

Бернард Шоу говорит

— Товарищи!

— К сожалению, это единственное русское слово, которое я знаю. Но это слово стало для меня звучать особенно дружественно за время, увы, слишком краткого пребывания в этой прекрасной стране. Я хочу воспользоваться случаем, чтобы сказать вам кое-что о моих личных чувствах и о моих друзьях, с которыми я путешествую: лорде и леди Астор и маркизе Лотниен. Это невероятно богатые люди: капиталисты и землевладельцы самого крупного пошиба.

Но не осуждайте их за это: они не могут изменить этот факт. Только один британский пролетариат и вместе с ним пролетариат всего мира может выручить их из этого положения.

Вы не имеете представления о той «храбрости», которую нам пришлось проявить, когда мы «рискнули» посетить коммунистическую Россию. Наши рыдающие родные цеплялись за нас и умоляли нас не рисковать нашей жизнью из-за столь опасного предприятия. А когда наши близкие увидели, что мы все же исполнены решимости отправиться в путь, они наделили нас громадными корзинами и пакетиками, наполненными продовольствием, чтобы мы не умерли здесь с голоду. Они принесли нам постельные принадлежности и все движимые блага цивилизации. А некоторые из них принесли нам даже палатки, заботясь о том, чтобы был кров над нашими головами. Железнодорожное полотно от границы до Москвы усеяно предметами, которые мы выбрасывали из окон вагона, когда мы увидели, каким вниманием и какой любезностью окружил нас новый режим в России. Мы не знаем как выразить всю нашу благодарность за все, что сделало для нас коммунистическое правительство вашей страны. Мы можем лишь сказать, что, если советской власти удастся создать для всех народов Союза такие же условия, которые она предоставила нам—а мы верим в то, что это является одной из целей советской власти—то Россия станет самой счастливой страной земного шара.

Я хотел бы исправить одно небольшое замечание, которое я заметил в реках некоторых выступавших здесь ораторов. Они выразили здесь свою надежду, на то, что, когда я вернусь в Англию, я скажу англичанам всю правду о России. Товарищи, вот уже десять лет подряд, как я говорю англичанам всю правду о России. Я не выжидая проведения жизни пятилетки, уже в 1918 г., когда о России на капиталистическом Западе говорились самые отвратительные вещи, послал однажды одну из моих книг Ленину с посвящением, полным энтузиазма, в надежде, что это посвящение будет опубликовано во всей Европе. Я не знаю, что случилось с этой книгой, но, во всяком случае, посвященные мною Ленину строки нигде никогда не появились.

Я знаю много о том, как вы тогда страдали. Но уже с самого начала я верил, что победа будет за вами. И я знал также, что, независимо от того, победите ли вы или потерпите поражение, мой долг заключался в том, чтобы помочь вам всем, на что я способен.

Смысл моей поездки в Советскую Россию не в том, чтобы иметь возможность сказать англичанам, что-нибудь такое, чего я раньше не знал, а в том, чтобы иметь возможность ответить им в тех случаях, когда они говорят мне: «А вы считаете Советскую Россию замечательной страной, но вы ведь там не были, вы не видели всех ужасов». Теперь, когда я вернусь, я смогу сказать: да, я увидел все «ужасы» и они мне ужасно понравились.

Возвращаясь в Англию, мы увозим с собой самые глубокие впечатления. Несмотря на все то, что я только что сказал о моем знакомстве с тем, что происходит в России, я, конечно, не стану утверждать, что даже самое лучшее знакомство по-наслышке может сравниться с непосредственными впечатлениями, лицом к лицу с фактом. Для меня было громадным удовольствием столкнуться лицом к лицу с некоторыми силами, которые были для меня донныне всего лишь именами. Неделю тому назад Луначарский был для меня очень извест-

ным именем, но сейчас он для меня живой человек. И я нашел в нем не только партийца-коммуниста, но и нечто, что русские и только русские могут мне дать: я имею в виду умение понять и оценить мои собственные драматические произведения с такой глубиной и с такой тонкостью, которую — я должен это признать — я никогда не встречал в Западной Европе. Знаменитое имя Литвинова также превратилось для меня в живого человека, и при том очень дружественного.

И во что бы то ни стало я хочу, чтобы, прежде, чем я покину Москву, Сталин также стал бы для меня живым человеком, а не именем (аплодисменты). Не могли ли бы те из вас, кто лично знаком со Сталиным, попросить его помочь мне в этом деле.

Мое личное чувство перед лицом великого коммунистического эксперимента точно также, как и чувство многих других людей в той части света, откуда я приехал, является прежде всего чувством стыда за то, что Англия не вступила вместо России первой на ваш путь. Карл Маркс сказал бы, что пролетарская революция произойдет в России в самую последнюю очередь. Маркс рассчитывал, что пролетарская революция произойдет прежде всего там, где капитализм наиболее высоко развит. И вот вы видите, что произошло. Россия оказалась первой. Английскому народу надо было бы стыдиться, что он вас не опередил. И вместе с Англией все западные нации должны были бы разделять это чувство стыда и завидовать вашей славе. Когда вы доведете ваш эксперимент до торжествующей конечной победы, — а я знаю, что вы это сделаете, — то мы на Западе, мы, которые все еще только играем в социализм, мы должны будем последовать по вашим стопам, — хотим ли мы этого, или не хотим (аплодисменты).

Мне очень трудно окончить мою речь. Я сказал вам все, что я хотел вам сказать. Но когда я сейчас смотрю вокруг себя и вижу все эти лица, с тем, совершенно новым выражением и взглядом, которого вы никогда не увидите, на капиталистическом Западе, то я чувствую, что мне хотелось бы говорить и говорить с вами десять часов подряд. Но не пугайтесь—я не выполняю этой ужасной угрозы. Я просто скажу вам от моего имени и от имени моих компаньонов по путешествию: Сердечное вам спасибо за прием, который вы нам оказали, и за ваши заботы о нас, которые делают нашу поездку столь же приятной для нас в настоящем, сколь она будет памятной в будущем (бурная овация).

из альбома художника
евг. мандельберга

дружеский шарж
на Б. Шоу

телеграмма М. ГОРЬКОГО

На вечере в Доме союзов была оглашена следующая телеграмма Бернарду Шоу от М. Горького:
Дорогой Бернард Шоу!

Болезнь, — ангина, — мешает мне приехать в Москву для того, чтобы крепко пожать вашу руку, — руку смелого бойца и тапантивого человека.

Три четверти столетия прожили вы и неисчислимы сокрушительные удары, нанесенные вашим острым умом консерватизму и пошлости людей. Мне радостно знать, что день вашего семидесятилетия вы проводите в стране, которая так высоко ценит вас, и среди людей, которые начали величайшую борьбу с миром, осмеянным вами,—успешно ведут эту борьбу—и победают.

М. ГОРЬКИЙ.

104